Линь Цин растерянно потянула свою мать, У Цююнь, за руку и бесстрастно последовала за бригадой.

Никто не знал, насколько расстроено её сердце.

Время пролетело в мгновение ока с тех пор, как она попала в это место, поэтому она была убеждена, что понимает порядок действий в этой семье.

Она состояла из чрезвычайно предвзятой бабушки, пары надоедливых близнецов, которые были её тётей и дядей, её трудолюбивого, но кроткого деревенского мужлана — отца и семьи старшего дяди. Когда она увидела, что её юные кузены работают в поле в несколько раз дольше, чем её тётя Синхуа, она тайно придумала план, как схватить своего глупого отца и убежать из семьи.

Но прежде чем она успела закончить планирование, переменные начали накапливаться одна за другой.

Во-первых, это был её легко запугиваемый старший дядя. Этот человек, который не жаловался, когда его сыном и дочерью командовали, как рабами, и кому сильно не хватало инстинкта выживания, таинственным образом решил продать контрабандный товар и умер за пределами их деревни. В течение этого времени она была полна решимости покинуть семью Линь как можно скорее.

Основываясь на её понимании Сунь Цзиньхуа, этот человек никогда не передумает только потому, что её старший дядя внезапно умер.

В конце концов, до её переселения душа в этом теле потеряла свою жизнь, потому что Сунь Цзиньхуа отказалась тратить деньги на лечение её болезни.

Если её оценка Сунь Цзиньхуа была верна, то что же здесь происходит?

Её презренная и недостойная бабушка сейчас стоит на коленях в простом похоронном зале и плачет навзрыд. Не слишком ли много усилий она прилагает для этого?

С тех пор как Линь Цин услышала новость о кончине своего старшего дяди и поспешила домой, Сунь Цзиньхуа почти каждый день приходилось умывать своё заплаканное лицо, и она случайно срывалась и выкрикивала имя своего старшего сына. Количество страданий, которое она демонстрировала, заставило Линь Цин почти поверить, что Сунь Цзиньхуа была одержима переселившейся душой или каким-то образом переродилась. Однако после некоторых скрытых наблюдений она поняла, что это было просто её собственное принятие желаемого за действительное.

В конце концов, другой человек не стал бы расспрашивать Линь Цин, где она украла свои

яблоки, и требовать их после того, как она невинно сказала, что яблоки — это весело… К счастью, Линь Цин смогла притвориться, что она слишком молода и не понимает, о чём говорит Сунь Цзиньхуа, чтобы отмахнуться от инцидента.

Что касается Сунь Цзиньхуа, то последние несколько дней были крайне неблагоприятными. Наконец-то она поняла, что значит глотать кровь после того, как тебе выбили зубы.

Потому что это происходило с ней!

Прошлой ночью этот её бесполезный и бестактный муж имел наглость спросить её, почему её личность внезапно изменилась, и произошла ли эта перемена из-за того, что у неё наконец-то появилось сердце. Одна мысль об этом сводила её с ума!

Но даже несмотря на то что она была зла до такой степени, что из её ушей шёл пар, ей пришлось сдержаться.

И всё потому, что личность этой проклятой овдовевшей невестки внезапно изменилась! Дань Цзинцю не только не хватало её прежней слабой натуры, она даже притворялась сыновней перед посторонними. Сунь Цзиньхуа чуть не стошнило, когда она просто подумала об этом.

Однако Сунь Цзиньхуа была слишком напугана, чтобы продолжать издеваться над этой невесткой, потому что она разгадала её уловки. Если Дань Цзинцю предупредит власти, её младший сын определённо пострадает! Ей просто придётся смириться с этим сейчас и преподать ей урок позже!

Пока Сунь Цзиньхуа строила свои планы, Дань Цзинцю уже давно закончила свои приготовления.

Дань Цзинцю в своём уме проделала некоторую умственную подготовку, когда она наблюдала, как её «добрая свекровь» опустилась перед ней на колени.

Возможно, это было потому, что она пришла из другого мира, но ей был незнаком страх, который преследовал эту эпоху. Когда она увидела двух детей, оставленных ей, ей захотелось подраться.

Линь Сюн и Линь Юй голодали до истощения. Их руки выглядели такими же толстыми, как и ноги, а ладони были покрыты мозолями от многолетнего тяжёлого труда. Их кожа так загорела от палящего солнца, что стала почти цвета древесного угля. Даже если бы она хотела убедить себя, что все дети в эту эпоху выглядели так, когда она увидела светлый цвет лица и пухлую фигуру Сунь Цзиньхуа, а также избалованную и ухоженную внешность Линь Синхуа, Дань Цзинцю не смогла этого стерпеть.

С её прошлым опытом в прошлом мире Дань Цзинцю смогла быстрее адаптироваться к роли

матери. Вооружённая воспоминаниями тела, она глубоко осознавала, что, кроме того, что эта она сама была добра до глупости, её дети никогда не делали ничего плохого.

Это было немыслимо. Как могла Сунь Цзиньхуа унижать и притеснять свою собственную плоть и кровь из-за простого суеверия?

Её первым побуждением было забрать своих детей из этой семьи, но, проанализировав воспоминания, она была потрясена, обнаружив, что это была особая эпоха, когда всё зависело от рабочих баллов. Ей даже понадобится рекомендация, если она захочет отправиться в долгое путешествие. Так что забрать детей и уехать было не более чем несбыточной мечтой.

Вдобавок ко всему, прожив с детьми последние несколько дней, Дань Цзинцю начала беспокоиться за них.

Эти двое были примерно того же возраста, что и внуки в её прошлой жизни, так что их существование уже глубоко укоренилось в её сердце.

Хотя Линь Сюн — мальчик, возможно, из-за влияния своего отца, он был совершенно честен и отказывался озвучивать какие-либо свои желания. Вчера, после того как Дань Цзинцю приготовила для него суп из яиц, он даже с тревогой спросил, не украла ли она яйца у его бабушки и был слишком напуган, чтобы проглотить эту еду.

А как насчёт Линь Юй? Для неё всё было по-другому. С самого детства она ненавидела несправедливое обращение и обижалась на своих трусливых родителей.

Дань Цзинцю не сердилась на своих детей, потому что она также была бесконечно разочарована робким характером их прежней матери.

Не говоря уже о том, что эти дети страдали с младенчества.

Решив продолжить свою жизнь здесь, Дань Цзинцю тщательно просмотрела расширенный список в системном магазине с накопленными баллами и начала выбирать лучшие навыки в пределах своих возможностей.

Держа маленькие и слабые руки Линь Сюна и Линь Юй, которые стояли на коленях рядом с ней, Дань Цзинцю испытывала непреодолимое чувство ответственности. Она прищурила глаза и внутренне усмехнулись, смотря на претензионную свекровь, задаваясь вопросом, сможет ли ведьма справиться с тем, что её мучают другие.

Хотя деревня Датун всё ещё сохраняла свои феодальные обычаи, в течение последних нескольких лет община начала организовывать ежедневные собрания. Капитан Ли Цян ясно объявил, что большие похороны запрещены, не говоря уже о том, что неприятная причина смерти Ли Цзяньго традиционно была зловещей.

Кроме того, каждый дом страдал от лишений. Даже те, у кого было несколько лет на набирание жирка, не могли даже обеспечить соленья для обслуживания своих гостей.

Забудьте о подарочных деньгах. Даже несколько яиц должны быть зарегистрированы, а затем возвращены гостям после похорон.

Потерять рабочий день — значит потерять рабочие баллы за день. Это также было проблемой для всех в деревне.

Вот почему тема похорон Линь Цзяньго закончилась его гробом в земле.

Но в семье Линь этот вопрос был далёк от завершения.

В последнее время рационы семьи были разделены поровну, согласно просьбе Дань Цзинцю. Её опыт работы шеф-поваром в прошлой жизни дал ей возможность разделить любую порцию равномерно, вплоть до одного ростка, с помощью черпака ковша, и тем самым представить окончательный идеал эгалитаризма.

В последние несколько дней ранее недоедавшие члены семей Дань Цзинцю и Линь Цзяньго заметно и быстро восстанавливали свою массу тела.

Только Сунь Цзиньхуа, Линь Яоси и Линь Синхуа были недовольны этим фактом.

Как три главных человека в семье, которые привыкли пользоваться большими привилегиями, они были недовольны внезапным равенством и отказывались понимать, насколько их предыдущие индульгенции были неправильными.

Сунь Цзиньхуа, наконец, достигла своего предела с ежедневными приставаниями своей бесчувственной младшей дочери и мужа, спрашивая её, почему она изменила своё отношение и теперь поддерживала старшую невестку настолько, что это повлияло на их питание.

Неужели они думают, что она делает это добровольно? К тому же она стала меньше есть! Наблюдение за тем, как Линь Юй и Линь Цин нагло едят яйца в её доме, когда они просто бесполезные девочки, которые истощают деньги семьи, приводило её в ярость.

Она была полна решимости разобраться с Дань Цзинцю. Кого волнует, что она угрожала донести на неё? Сунь Цзиньхуа видела, как Дань Цзинцю жертвовала своей едой для своих детей и даже для дочери своего второго сына. Эта женщина никогда не заставит себя доложить властям и стать причиной падения этой семьи.

Думая, что она снова взяла верх, Сунь Цзиньхуа стала самоуверенной и была полна решимости помешать Дань Цзинцю делать всё, что она захочет.

Она поспешно направилась на кухню. Эта проклятая невестка снова жарила сладкий картофель для детей семьи. Брови Сунь Цзиньхуа раздражённо дёрнулись. Как ты можешь тратить еду на этих бесполезных бездельников?!

Сунь Цзиньхуа направилась прямиком к группе и схватила маленький сладкий картофель, который Дань Цзинцю собиралась передать детям, и угрожающе посмотрела на них.

Увидев откровенное недовольство в глазах Лин Юй и Лин Цин, она поняла, насколько наглыми стали эти маленькие негодяи за последние несколько дней. Если бы это продолжалось, кропотливая иерархия и правила, которые она установила в этом доме, были бы почти разрушены!

— На что ты смотришь? Ты осмеливаешься бунтовать? Ты не можешь это есть! — Сунь Цзиньхуа упёрла руку в бедро и агрессивно посмотрела на них.

Дань Цзинцю почувствовала, как съёжился Линь Сюн и разозлилась Линь Юй, и могла примерно догадаться, что пыталась сделать Сунь Цзиньхуа.

Быстро подумав, Дань Цзинцю тихо повернулась к детям и сказала:

— А-Сюн, выйди на улицу и поиграй немного со своей сестрой и кузиной. Нам с твоей бабушкой нужно кое-что обсудить, — это был намёк, чтобы уберечь её дрожащего сына от опасности.

Напуганный угрожающим взглядом Сунь Цзиньхуа, Линь Сюн потащил за собой Линь Цин и Линь Юй и выбежал на улицу.

Линь Юй повернула голову со сложным выражением в глазах, в котором смешались беспокойство и печаль. Мысль о её храброй матери, которая последние несколько дней боролась со злой бабушкой, но вдруг вернулась к прежней… Она не могла сказать, было ли это чувство ненавистью или…

В голосе Сунь Цзиньхуа звучало высокомерие, потому что она верила, что победит. Она жутко ухмыльнулась, представив себе выражение лица Дань Цзинцю после того, как она поставит её на место.

Дань Цзинцю очищала кухонную плиту. Не поворачивая головы, она могла сказать, что у Сунь Цзиньхуа был самодовольный вид труса.

— Слушай сюда, проклятая. Иди и доложи о нас. Ты увидишь, как будут страдать твои сын и дочь! Худшее приходит к худшему. Вся наша семья может встретить свою кончину вместе. Я тебя не боюсь!

Сунь Цзиньхуа самоуверенно добавила:

— Я хочу, чтобы ты знала, что со мной не случится ничего плохого!

Конечно же, Дань Цзинцю знала, что Сунь Цзиньхуа догадалась, что у слабое место — это её дети и ребёнок её зятя, поэтому ведьма пыталась использовать их, чтобы угрожать ей.

Однако… Она действительно не желала взаимного уничтожения, но это не означало, что это был единственный трюк в её рукаве.

Выплюнув свои ядовитые слова и заметив отсутствие реакции Дань Цзинцю, Сунь Цзиньхуа снова забеспокоилась.

Дань Цзинцю обернулась и с усмешкой посмотрела на Сунь Цзиньхуа. Её голос был приятным и нежным:

— Мама, ты знала, что я была сильной с самого детства?

— …А? — Сунь Цзиньхуа запаниковала и задалась вопросом, что означают эти слова. Она знала, что её невестка сильна, и именно поэтому они могли положиться на эту женщину, когда она выполняла мужскую работу.

Увидев недоумённый взгляд Сунь Цзиньхуа, Дань Цзинцю продолжила:

— Мама, поскольку у нас так много детей, у меня никогда не было возможности наесться досыта. За последние несколько дней я наконец-то наелась досыта…

Сунь Цзиньхуа всё ещё не могла сказать, что задумала её невестка, но она знала, что семья этой женщины была достаточно бедна, чтобы согласиться на обмен браком. После некоторых размышлений она взяла себя в руки и злобно крикнула:

— Не ходи вокруг да около и не меняй тему! — думая, что раскусила хитрые уловки своей невестки, она снова стала надменной.

Дань Цзинцю потянулась к куче дров у плиты и выбрала несколько кусков дерева толщиной с её руку, прежде чем повернуться и уставиться на Сунь Цзиньхуа.

Сунь Цзиньхуа подсознательно сделала шаг назад, внутренне задаваясь вопросом, не заставила ли она невольно Дань Цзинцю прибегнуть к насилию.

Дань Цзинцю улыбнулась и сказала:

— Мама, с тех пор как я наелась досыта, я поняла, что моя собственная сила кажется довольно… невероятной. — Дрова громко хрустнули и рассыпались по земле. Середина полена, к которой была приложена сила, была разрушена в труху.

Лицо Сунь Цзиньхуа мгновенно побледнело, и она тут же на ощупь выбралась наружу. Кухня была небольшой, но она чуть не споткнулась и не упала, когда вылезла, потянув за собой дверь и захлопнув её. В комнате снова воцарилась тишина.

Дань Цзинцю убрала удивлённое выражение лица, которое почти выдало её.

Честно говоря, она никогда не знала, что эта так называемая «Боевая Сила. Навык новичка» была такой мощной. Когда она слегка сжала полено, казалось, что оно вот-вот разорвётся на части, но вместо этого оно просто превратилось в труху…

Неужели она превратилась в суперженщину?

Без дальнейших раздумий и несколько забавляясь, Дань Цзинцю была довольна тем, что она успешно использовала это, чтобы угрожать Сунь Цзиньхуа. И вот она вышла на улицу с намерением позвать детей и съесть их сладкий картофель.

Когда Дань Цзинцю медленно вышла с этими сладкими картофелинами, она внезапно остановилась на выходе с ошеломлённым выражением лица.

Вместо того, чтобы уйти, как им было сказано, двое её детей и Линь Цин тайно подглядывали из-за двери. Вид этих трёх детей с одинаковыми шокированными выражениями на лицах на мгновение ошеломил её, и она не была уверена, как объяснить происходящее.

После внезапного состязания в гляделках первой среагировала Линь Цин.

Поражённая сверхчеловеческой силой своей тёти, она начала восхищённо хлопать в ладоши.

— Тётя, ты потрясающая…

Сбитые с толку Линь Сюн и Линь Юй тоже начали восторженно хлопать.

С обеими руками, полными сладкого картофеля, Дань Цзинцю могла только внутренне застонать: «Это не так! Я этого не делала! Не говори ерунды!»

http://tl.rulate.ru/book/47685/1447423